

— Андрей, год назад вы уже давали интервью «Новой газете» и говорили в основном о Платонове и его «несостоявшемся» юбилее...

— В первый раз я обратился в «Новую газету» еще в 1996 году по поводу одного заказного убийства. У меня были некоторые сомнения, а Юрий Щекочихин — человек хорошей реакции. Он провел журналистское расследование. И после длительной возни с подозреваемого сняли не только две расстрельные статьи, но и полностью опровергли. Второй раз я случайно встретил Щекочихина в самолете накануне столетнего юбилея Платонова. Юбилей был затерт. Возможно, по причине совпадения с 200-летием великого Пушкина (которого в очередной раз наспигивали государственной идеей) и юбилеем модного Набокова. Тогда все юбилейные патроны были как бы потрачены, и на писателя неоспоримой гениальности Платонова патронов не хватило. Об этом мы говорили в самолете, и эта беседа была потом опубликована в газете. Тогда мы поставили вопрос о необходимости выкупить архивы Платонова, обработать их, потому что рукописи хоть и не горят, но сгорают. А он писал твердым карандашом по плохой бумаге. Кстати, когда вошли в гробницу Тутанхамона, в первую секунду увидели все краски, а потом они исчезли...

Нельзя говорить так много о России и все время пренебрегать ее подлинными достояниями. А Платонов — это писатель будущего не в метафорическом, а в практическом смысле.

— Это в смысле: «страна темна, а человек в ней светится»? Кстати, в «светелке», где ютился Платонов, вроде бы сейчас его музей?

— Он принадлежит Литинституту, который его никоим образом не отдаст. Там сейчас, кажется, помещается (что очень символично для судьбы Платонова) пункт обмена валют. Так валюта, наша валюта, выбрасывается на помойку.

И вот я подумал, что пропущенный юбилей должен стать уроком. Ведь в январе 2001 года исполняется 50 лет со дня смерти Платонова.

Однако никаких сдвигов не происходит. Если не считать мою встречу с господином Владимиром Малышевым, в ведении которого находится Госфильмофонд. Он откликнулся, и в рамках ежегодного фестиваля архивного кино какая-то акция по Платонову все-таки состоится.

— А более почитаемый национальный гений Пушкин вас больше не интересует?

— Как раз перед вашим приходом я писал предисловие к собственной книжке «Вычитание зайца». Это о том самом зайце, который остановил Пушкина по дороге на Сенатскую площадь. В 1992 году «Вычитание зайца» вышло у нас тиражом 1000 экземпляров, а в 1999-м — в Германии, с приложением некоторых пушкинских текстов 1825 года. Настоящее издание является наиболее полным и приурочено к знаменательной дате — перебежанию зайцем дороги Александру Пушкину. Мы с Резо Габриадзе давно лелеяли идею памятника зайцу в Михайловском. И вот 24 декабря, накануне юбилея восстания декабристов, памятник, наконец, будет открыт. В этой шутке нет доли шуток. Это памятник

не Пушкину, а именно зайцу, памятник выбору, столь важному и тревожному для России.

— Но почему 24 декабря?

— Когда пересчитали по новому стилю даты Пушкина, не тронули двух дат — 19 октября и 14 декабря. Я пересчитал сам — получилось 26 декабря. Пушкин выехал дня за два-три до восстания. Следовательно, заяц перебежал ему дорогу числа 24-го. Это будет памятник всем революциям,

Андрей БИТОВ:

Новая газ. - 2001. - 9-15 окт. - с. 22-23
**ПОСЛЕДНИЙ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

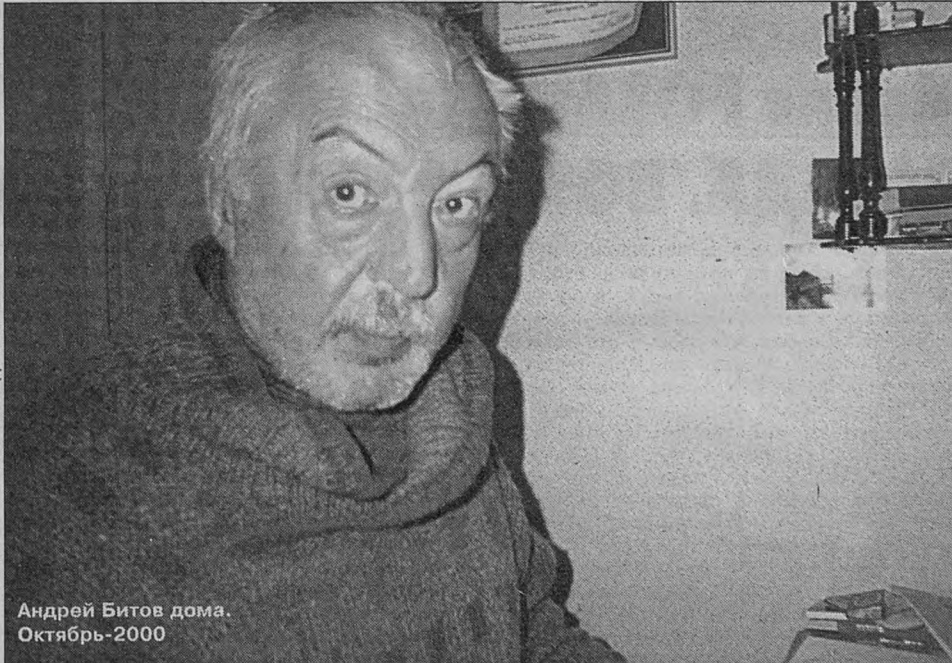
Андрея Битова представлять не надо. Он сам кого хочешь представит. Вот только одно соображение отдела культуры: кажется, свой Пушкинский дом замечательный писатель окончательно решил поменять на платоновскую каморку

которые перебежали дорогу непрерывности нашего развития. Для того, чтобы обрести цивилизованное дыхание, нужно прожить несколько сотен лет подряд с преемственностью и наследованием. А еще это памятник дороге, так что можно МПС привлекать. И конечно, памятник ГАИ. Заяц ведь Пушкина остановил.

— А кто автор памятника?

— Авторы идеи мы с Резо. Но этот проект Габриадзе отдал Александру Великанову. Может, потому, что он наш друг и гениальный архитектор, а здесь нужен больше знак, чем скульптура. Знаком будет верстовой столб.

Так вот, к Сочельнику, к 25 декабря эпоха достойно завершится памятником зайцу, а 5 января — Платонов.

Андрей Битов дома. Октябрь-2000

Пушкин пусть останется в прошлом тысячелетии. А сейчас надо сохранить рукописи Платонова. Ведь даже большевики хранили архивы! Закрывали доступ в них, но ведь хранили. Память может сработать на любую следующую власть. Поэтому хранить надо все. Из этого, в конце концов, проступает какая-то правда, хоть и задним числом.

— Значит, надо хранить не только литературные, но и архитектурные памятники неза-

но, отрубили там кому-нибудь голову или нет. Ничего не нужно рушить. А то все время у нас за спиной остаются одни исторические ошибки, которые нужно исправлять. Нет исторических ошибок — есть исторический опыт. И если у нас есть будущее, то Платонов — человек будущего. И не только для России — для мира.

В XXI веке нас могут поколебать такие экологические катастрофы, при которых понадобится новое психологическое сознание, чтобы понять наконец место человека на земле, а не место человека между людьми. И Платонов с

представитель старшего поколения полностью меня раздолбит. Очень правильный расчет. Вот вы мне сейчас задаете такие вопросы в расчете, что яотреагирую на них с этой позиции.

Надо сказать, к неувольствию директора, Виктор Конечский написал положительную рецензию. И я ничего плохого о названных писателях не скажу. Литературу надо шевелить.

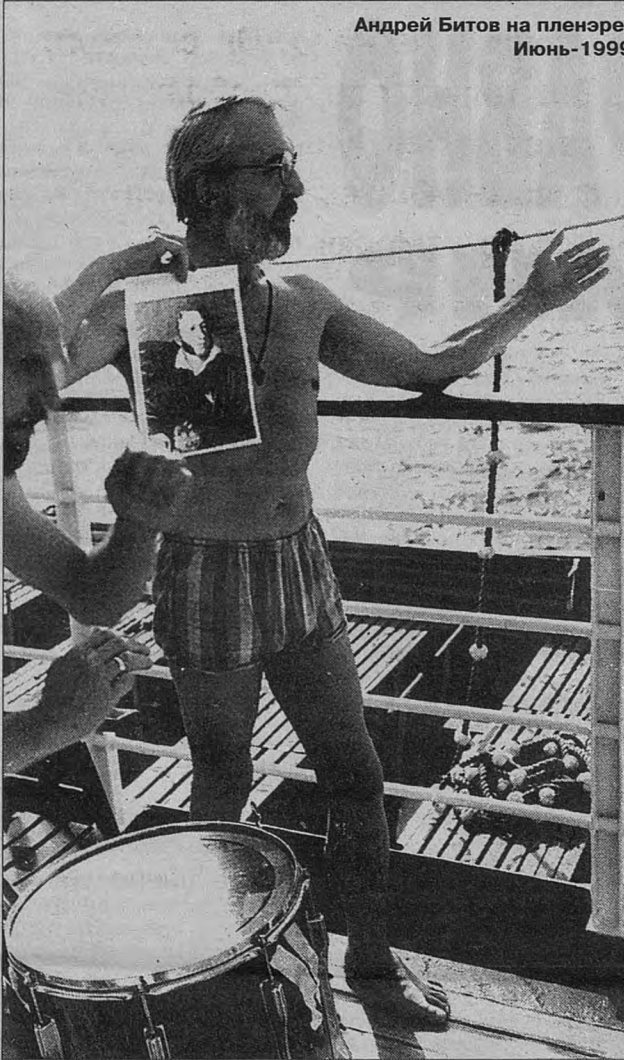
К вопросу о моде. Это люди уже немолодые, нечего с ними возиться. Они все, безусловно, состоявшиеся фигуры, классики своего периода. Единственное, что я

— Когда-то меня попросили написать эссе об авангардных писателях (оно называлось «Безбрежный популай»). Метафора эссе такова: однажды в Париже известный фотограф пригласил меня сделать портрет. Я, конечно, решил, что — мой. А оказывается, он вообще думал, будто я — Приставкин. Ну Приставкин так Приставкин. Я фотографировался в скверике на скамейке под рекламой «Марко Поло». Такое имя носит парфюмерная фирма. А Марко Поло был открывателем Китая, но этого никто уже не помнит, а фирму знают все. Как знают

внука. Пушкину, бедному, вот не довелось увидеть внуков. «И внуки похоронят нас» — есть предел мечтаний нормального человека. Вот вы призываете меня ругать модных писателей, а я не буду никого ругать. Каждый имеет свой проблеск гения, а насколько они его в себе преувеличивают — покажет только время. Но то, как они царапаются, означает, что они уже прошли. Хотя и получают какие-то премии.

— А сама система литературных премий вам не кажется унижительной?

ПАМЯТНИК — ЗАЙЦУ!

Андрей Битов на пленэре. Июнь-1999

могу сказать: очень уж они построились, очень настаивают на своем существовании. Конечно, никто никогда не согласится с тем, что он уже прошел. Тем более что другое пока не пришло. Можно долго держать позиции, но борьба в литературе — самое последнее дело.

— У Александра Аронова, который никогда не участвовал в литературной борьбе, есть такие стихи: «Отсвет имени на строчке в сотни раз прекрасней слова. Я ничем вам не помог, мои слова». И в результате многим сегодня надо пояснять, что Аронов — это тот самый, который написал: «Думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь...»

черепашек-ниндзя, а кто такие Микеланджело и Леонардо да Винчи — дети не знают. И вдруг на скамейке я разразился хохотом. Знаете, почему? Я вдруг подумал: а кто кого, собственно, открыл? Как это так: Марко Поло открыл Китай? Китай — огромная многотысячелетняя культура, и туда забрел один проходивец украть шелковичного червя. И вот Марко Поло открыл Китай... Какой бред! Рассуждать, кто какое место занимает в литературе, — это тоже хохот. Да помрем мы все, хорошо, если не погибнем. Чтоб не погибли, мне особенно сейчас важно в связи с рождением свежего

— В наше время премии, кроме престижа, еще и заработок. На литературные деньги не проживешь.

— Значит, все-таки подачка?

— Художник должен быть настолько высокомерен, чтобы понимать, что его не ценят по заслугам, и принимать то, что дают. Мне дали Госпремию. Так я дачу отремонтировал, а так бы она развалилась.

— Вы ведь сейчас тоже как бы чиновник, глава русского Пен-центра...

— Я не чиновник. Я президент, общественное лицо. А Пен-клуб — правозащитная организация. По-видимому, я могу как-то блюсти уровень, качество и чистоту жанра в этой организации. Но без такого замечательного директора, как Саша Ткаченко, и такого замечательного крошечного штата ничего бы и не было. Работают-то они.

— Кто из советских писателей, членов и не членов Пена, на ваш взгляд, перейдет рубеж третьего тысячелетия?

— Этого никто не знает. Есть три фигуры, без которых русскую литературу невозможно представить: Заболоцкий (его столетие в 2003 году), Зощенко и Платонов. А без советского режима таких писателей бы не было. Не могу назвать тех, кто не останется. Это неизвестно. И вообще, это не наше собачье дело.

Литература XX века все еще пишется — до 31 декабря 2000 года. А потом произойдет невероятное событие: 31 декабря вся литература превратится в литературу прошлого века и в предмет описания. А литература XXI века еще не будет.

● Анна САЕД-ШАХ
ОТ РЕДАКЦИИ

Андрей Георгиевич Битов принял наше предложение вести в «Новой газете» постоянную колонку. Читайте в следующих номерах новую рубрику: «За одного Битова».